

СВЕЖИЙ ВЕТЕР В ГОРАХ

Художник и время

...По узкой проселочной дороге, размахивая сумками, шагают двое школьников. Замечают, что встречающаяся машина притормаживает, — останавливаются. Разглядывая человека, открывающего переднюю дверь «Волги», радостно восклицают:

— Сулейман Рустам!

Он здоровается с ними, как со взрослыми, — за руку, и ребяташки, перебивая друг друга, показывают кратчайший путь к основной магистрали — шоссе.

...От Баку — более ста тридцати километров. Остановка у чайханы, приветливо дымящей над небольшой речушкой среди деревьев. Рустам оставляет машину, направляется к двери — перед ним выстраивает одетый в рабочую куртку сельчанин и, сдернув с головы выдающую виды шапку, произносит:

— День добрый, Сулейман! Я сразу узнал вас, Сулейман. Мой дом — рядом. Прощу вас и ваших друзей на чашку чая...

Его знают в каждом уголке республики, Героя Социалистического Труда, народного поэта Азербайджана Сулеймана Рустама. Всюду он свой, родной человек, везде ему почет и уважение. В этом я еще раз убедился, участвуя в недавней поездке Рустама к его избирателям и читателям — труженикам Ленкоранского района.

...Вижу его добродушное обветренное лицо, глаза, устремленные на бегущие вдоль шоссе зеленеющие поля, и в моем сознании возникает образ художавого азербайджанского мальчишки, сына беднейшего бакинского кузнеца. Позже он скажет о кузнице, где работал отец, и о себе: «В тисках заключенное спорых, железо дымилось едва, как дрожжи в тепле, на которых выросли моих песен слова».

Свою первую книгу, опубликованную в 1927 году, Рустам назвал «От печали к радости». За этими словами — многотрудный путь его народа из мрака к свету, к новой жизни, овеянной дыханием революции.

Стихи и поэмы Рустама двадцатых годов свидетельст-

вовали о зарождении советской азербайджанской поэзии, о ее идейно-художественном новаторстве, тесно связанном с лучшими традициями народного творчества, национальной и русской литератур. «Мой стих великим временем рожден» — это утверждение писателя не было только фразой: время действительно произвело строки, оживало в пафосе его произведений.

Вот поэт обращается к родным горам, образ которых истари органичен для азербайджанской литературы. Что же, еще одно пейзажное стихотворение, признание в любви романтическим склонам, покрытым травами и цветами? Да, но чем вызвано это признание, кто его произносит? Оно звучит из уст человека, распахнувшего сердце навстречу весне и свежему ветру свободы, человека, прочно стоящего на отчей земле и смело смотрящего в будущее. И потому так искренни и неподдельны его слова:

На вашем склоне столько птиц поет,

Над травами так весел их полет!

Вас грустными безумец лишь зовет.

Пусть взглянет он на вас теперь, о горы!

Ощущением радости, юношеского дерзания, неуемности молодых сил отмечены книги Рустама «Шаги» (1930), «Голос», «Огонь» (1932). Их звучание определяют партийность, социальная острота, публицистическая страстность поэта, взявшего своим жизненным паролем слово «Ленин».

Расширяя рамки старых поэтических форм, широко используя живой разговорный язык народа, Рустам создал качественно новый стих — мускулистый, раскованный, богато интонированный. Были

ли неудачи? Были, и они подстерегали поэта там, где он поддавался инерции старой поэтики, где истинный пафос подменялся шаблонной риторикой. Лучшие же произведения Рустама связаны с постижением мысли и чувств современника, с поисками емкого поэтического образа, убедительной интонации.

— Есть звучное русское слово стрежень — быстрина, место быстрого течения и глубины, — говорит Рустам. — Так вот мы, азербайджанские поэты, с первых шагов стремились на стрежень жизни. И примером для нас был Маяковский. Его стихи мы читали взахлеб, нам нравились его размах, боевитость. Его все волновало — и то, что свершалось в нашей стране, и то, что присходило за ее рубежами. Это нам было близко, потому что и мы не отгораживались от действительности. «У сердца есть уши и глаза», — гласит азербайджанская поговорка, и наши сердца горячо откликались на народные радости и печали. Свои чувства мы старались выразить в стихах и поэмах.

Впрочем, не только в стихах и поэмах. Рустаму было шестнадцать лет, когда он написал и отнес в театр свою первую пьесу. Ее поставили, и в последующие годы к ней прибавлялись новые и новые сценические произведения Рустама. Перед войной появилась его драма «Гачаг Наби», названная по имени главного героя, человека могучего духа и благородных стремлений. Именно эти черты были основными и в характере тех, кто встал на защиту Советской Родины от фашистского нашествия и о ком Рустам написал стихи вдохновенные и возвышенные.

Старик, что принес в военкомат заявление о своем же-

лании служить в Красной Армии; трое удалцов — азербайджанец, казах и русский, не отступившие перед врагом ни на шаг; девушка Салима из Мардакян, добровольно ушедшая на фронт; генерал Ази Асланов, павший смертью героя... Сколько их, сынов и дочерей Отчизны, которым по достоинству воздаст честный поэт, сам немало верст прошагавший по солдатским путям-дорогам.

Каждое произведение Рустама находило признательные отклики на фронте и в тылу. Но особенно тронуло сердца людей его стихотворение «Мать и почтальон» (1942). Долгих четыре месяца мать понапрасну ждет весточки от сына-воина. От переживаний не находит себе места, страдает день и ночь. И однажды в горе безмерном она кричит старику-почтальону, приносящему хорошие вести друзьям: «Вон со двора уйд! Не приходи обратно, покамест не найдешь письма и для меня!».

Почтальон, добрый, отзывчивый человек, понимает состояние своей обидчицы. Он рассуждает: «Широк, просторен мир, в нем есть чему удивиться, но если на земле пропал сыновний след, — тогда для матери мир тесен, как темница». Старик долго не появляется, и женщина печалится теперь и о нем, у которого, возможно, свое горе, свои печали. Поэтическая мысль о всеародном единении, о красоте души трудового человека, тонкое мастерство в изображении движения чувств, точность слова, проникновенность интонации поставили рустамовское стихотворение «Мать и почтальон» в ряд выдающихся произведений нашей поэзии.

Вместе с другими поэтами Азербайджана — Самедом Вургуну, Расулум Рза, Мадом Рагимом, Османом Сарывелли — Сулейман Рустам вписал нетускнеющие страницы в художественную летопись суровых и героических лет, создаваемую писателями всех братских республик.

— В годы войны, — рассказывает Рустам, — мне довелось побывать в шахском Иране. Я воочию увидел, чем была иранская монархия. Милейшие проявления свободлюбия, недовольства существующими порядками жесточайше подавлялись. Больно в сердце живет память о том, как в Тебризе был убит мальчик только за то, что читал вслух мое стихотворение. О социальных контрастах шахского Ирана написал несколько циклов стихотворений, попытался выразить в них боль народа, его мечту о свободе, о счастье. Стихи циклов по характеру своему лирические — философская лирика, любовная...

— Но есть ли четкая грань между ними? — спрашиваю поэта. — Пожалуй, нет, — Сулейман на минуту задумывается. — Как-то мне сказали: «С годами вы все больше пишете о любви. Чем это объяснить?» Ответил, что любовь — это жизнь, и если мы говорим о философии жизни, то здесь не обойтись без любви. Любить — это значит зажигать красоту, сохранять молодость души, быть поборником добра и ненавидеть зло. Любовь и поэзия — родные сестры, и одна у них мать — жизнь... Тут к месту вспомнить произведение Рустама «Сова». В нем речь о стихотворце, чья любовь «одета в черный креп», сердце «шрамами тоски испещрено» и думы кружатся вокруг могилы. Сулейман возглашает:

Подумай, что плетешь ты!

Почему

Заглядывает песнь твою
во тьму!..
Ты в пыльные глядишься
зеркала,
Их мгла давным-давно
заволокла.
И, издали услышав
голос твой,
Читатель назовет тебя
своей.

Рустам исповедует поэзию жизнелюбия и оптимизма, гражданского мужества и человечности, света и радости. В эпическом «Слове русскому брату», героической «Гибели большевика», в исполненном интернационального пафоса «Письме брату-поэту», нежнейшей «Первой любви», сатирическом «Первом тосте», как и в других его произведениях, живет душа художника, который никогда «с народом кровной связи не терял».

Сознание высокого назначения литературы лежит в основе взаимоотношений Рустама и с творческой смелой. Молодежь всегда тянулась к нему, и он — к молодежи. Он постоянно радеет о юных талантах, умело помогает им набирать силу. Многих известных ныне поэтов он напутствовал добрым словом, дружеским советом, поддерживал в трудную минуту. Среди них — лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Наби Хазри, лауреат премии Ленинского комсомола республики Джабир Новруз, заслуженный работник культуры Азербайджанской ССР Мамед Араз, лауреат Государственной премии республики Габиль, безвременно скончавшийся талантливый поэт и переводчик, заслуженный деятель искусств Алиага Кюрчайлы... И нынешние начинающие несут многоопытному наставнику свои первые тетради и блокноты.

— Мне по душе смелость, настойчивость дебютантов, —

в руках у Сулеймана листки со стихами, только что переданные поэту из местного литературного объединения. — Но нередко эта смелость оборачивается заносчивой самоуверенностью. Иной юный стихотворец, опубликовав несколько четверостиший, мнит себя чуть ли не классиком. А ведь подлинный писатель всегда должен быть недоволен собою, стремиться вперед и вперед.

Творческий путь самого Рустама — это путь художника, не знающего усталости в муках над строкой, вкладывающего в произведение всего себя — так всегда трудились в литературе преданные ей мастера. Каждое слово пишется с мыслью о тех, кто его будет читать, слушать, петь. Не потому ли лучше всего ему бывает среди земляков — нефтяников и станкостроителей, рыбаков и виноградарей...

— Не могу понять писателя, который не встретится как можно чаще с читателями, — признается Сулейман. — Ведь это же наши герои, наши друзья. А разве можно жить без друзей? Прихожу в рабочий клуб, на промысел, в цех или на ферму — и прикасаюсь к человеческим судьбам. О важности такого общения написал в стихах: «Друзья мои, соавторы мои! Чего бы стоил я один, без вас? То ваш огонь в душе моей горит, хочу, чтоб он до смерти не угас».

...Справа от шоссе — обрызганный весенним солнцем Каспий — Хазар, слева — какающая новостройка.

— Что же здесь будет? — произносит Сулейман. — Надо непременно сюда наведаться...

Он умолкает, глядясь в длинную вереницу грузовых машин, идущих к стройплощадке, на высотные краны, поднимающие многометровые серые балки.

А мне вспоминаются школьники, что повстречались нам на проселочной дороге; их сияющие глаза и восторженные восклицания:

— Сулейман Рустам! День добрый, Сулейман Рустам!

С. КОЩЕЧКИН.
(Спец. корр. «Правды»).
Ленкорань — Баку.